

УДК: 947.008

Кризис советской идентичности и распад СССР

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье рассматривается кризис советской гражданской идентичности, повлёкший за собой распад СССР. Анализируются причины кризиса, как вызревавшие задолго до исчезновения страны, так и порождённые перестроечными процессами. Среди факторов, способствовавших нарастанию кризисных явлений в сфере гражданской идентичности, рассматриваются социально-демографические изменения, происшедшие в государстве к концу 1970-х гг., социально-возрастной конфликт, в т.ч. в номенклатурной среде, ошибки классовой политики КПСС, не отражавшей глубоких социальных изменений в обществе, мировоззренческий раскол общества, отказ молодёжи от идеологических ценностей старших поколений, потеря уважения к политическим руководителям, что не могло не отразиться и на отношении к стране. Процесс разрушения советской идентичности в годы перестройки показан как целенаправленная кампания по демонтажу советского народа и государства. Ставилась задача посеять сомнение в правильности существующего строя; лояльность граждан СССР начала трактоваться как приверженность консерватизму. Политика гласности, являясь важным инструментом этой кампании, обусловила утрату веры в историческую миссию Советского Союза, разочарование в идеалах, которые до этого не подвергались сомнению. Падение доверия к коммунистической системе, лежавшей в основе государственности, подтолкнуло многих граждан, независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности, к поискам новых мировоззренческих ориентиров и, как следствие, ускорило распад СССР.

Ключевые слова: кризис советской идентичности, социально-возрастной конфликт, мировоззренческий раскол общества, политика гласности, демонтаж советского народа.

Soviet identity crisis and fall of USSR.

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru

The paper deals with the crisis of Soviet civic identity resulting in the fall of USSR. The crisis' reasons, both the ones that had been maturing long before the country's collapse and the ones induced by perestroika processes, are analyzed. Social and demographic changes occurring in the country by late 1970's, social age conflict, particularly in the nomenklatura environment, mistakes of the class policy of the Communist Party of the Soviet Union not reflecting deep social changes in society, world outlook polarization of society, the youth rejecting the ideological values of the older generation, loss of respect to political leaders, which could but affect the attitude to the country: these are some of the factors favoring the development of critical phenomena in civic identity. The Soviet identity destruction process during perestroika is shown as a purposeful campaign on taking down the Soviet people and state. The objective to insinuate the propriety of the existing regime was set; the citizens' loyalty began to be seen as adherence to conservatism. The glasnost policy as an important instrument of this campaign conditioned the loss of faith into the historical mission of the Soviet Union and disappointment in the ideals that had not been called into question before. Loss of trust into the communist system forming the statesmanship basis forced many citizens, regardless of their social status, national or religious identity, to search for new world outlook reference points and, as a result, accelerated the fall of the Soviet Union.

Keywords: Soviet identity crisis, social age conflict, world outlook polarization of society, glasnost policy, Soviet people takedown.

В медицине существует такое понятие — посмертный эпикриз. Это краткая история болезни покойного, анализ причин и обстоятельств летального исхода. Посмертный эпикриз СССР давным-давно выписан, но среди множества причин распада, о которых так много говорилось и говорится в последние десятилетия, до сих пор по-настоящему не осмыслена, пожалуй, одна из самых главных — кризис советской гражданской идентичности. А без осмысления этого обстоятельства невозможно понять трагедию великого Советского Союза во всей её полноте.

Жизнеспособность любого государства зависит от согласия и доброй воли его граждан. Гражданская идентичность (осознание принадлежности к общности граждан государства) — главный защитник государства как от внутренних разрушительных процессов, так и от внешней экспансии. Без развитой гражданской идентичности невозможна консолидация граждан вокруг интересов государства. В этом смысле она — залог политической стабильности и единства общества. Утрата или ослабление гражданской идентичности порождает серьёзные проблемы, с которыми и столкнулся СССР в последние годы своего существования.

Государство живо до тех пор, пока граждане готовы его защищать. К сожалению, защищать Советский Союз они не стали. Это пыталась сделать горстка малосимпатичных аппаратчиков, вошедших в историю как ГКЧП, но делали они это так неумело, что лучше бы и не брались. Вообще, вся затея с ГКЧП — самая яркая иллюстрация вырождения правящего класса СССР, что не могло не отразиться как на идентичности советских граждан, так и на судьбе самого государства.

СССР прекратил существование вовсе не из-за плановой экономики и непродуманных реформ, якобы породивших дефицит и приведших к резкому ухудшению уровня жизни. Экономическая ситуация в позднем Советском Союзе, безусловно, вызывала тревогу (темпы прироста национального дохода в начале 1980-х гг. по сравнению с 1970 г. уменьшились в 2,2 раза, а реальных доходов на душу населения — в 2,8 раза), но была отнюдь не катастрофической. Базовые потребности граждан в основном удовлетворялись, по многим позициям даже лучше, чем сегодня. В 1990 г. в России было построено почти 62 млн кв. м жилья, и 85% его граждане получили от государства бесплатно [9, с. 203]. На аналогичные объёмы жилищного строительства современная Россия выйдет только в 2007 г. Что же касается бесплатного жилья, то, чтобы его получить, гражданам потребуется, по словам автора статьи «Бесплатное жильё в России — миф или реальность?», пройти «7 кругов ада» [12].

Очереди за колбасой, безусловно, раздражали, но они опять же не были чем-то необычным. Обострённо реагировали на продовольственный дефицит разве что москвичи, избалованные продуктовым изобилием в предшествующие годы¹. Что же касается остальной России, то пустые прилавки магазинов были для неё совсем не в диковинку. К тому же люди уже давно приспособились к гримасам советской торговли. В 1970 или 1971 гг. в Хабаровске проходило зональное совещание председателей дальневосточных комитетов по телевидению и радиовещанию. К концу мероприятия выяснилось, что провести традиционный банкет в ресторанах Хабаровска затруднительно — нигде нет мяса. И дело не в том, что был рыбный день. Такие дни появились позже, в 1976 г. Просто в городе тогда вообще отсутствовало мясо. Проблема прекрасно разрешилась в столовой пригородного совхоза на Красной речке. Подобные альтернативы имелись у советских людей везде и всегда. Пустые прилавки магазинов и отнюдь не пустые домашние холодильники были не просто модной для того времени фигурой речи, а имели реальные основания. «Мирное сосуществование» общества и власти в потребительской сфере серьёзно нарушило лишь начало антиалкогольной компании.

¹ *Прим. авт.:* Мои родственники, коренные москвичи, возвращаясь с работы, никогда не покупали более 200—300 г мяса — ровно столько нужно было им для предстоящего ужина или завтрака. Во Владивостоке, далеко не самом голодном городе страны, такого покупателя наверняка посчитали бы ненормальным. Если удавалось, покупали обычно три, а то и пять килограммов. Никакой гарантии, что мясо будет и завтра, не было.

Одной из причин распада государства принято считать авторитарный характер советского общества, но авторитаризм при всём желании трудно считать могильщиком СССР. Он существовал многие десятилетия, советские люди по большому счёту и не знали ничего другого, однако это основной массе населения за исключением профессиональных диссидентов настроения не портило. Проблемы возникли не в связи с ужесточением авторитаризма, а как раз наоборот — с началом либерализации. Обострение национальных противоречий стало не причиной, а следствием наметившегося распада СССР. Большие сомнения у исследователей вызывает и то, что Советский Союз пал под грузом непосильных военных расходов [5, с. 406]. Не будем останавливаться на других подобных проблемах, которые в качестве причин распада выдвигаются обычно на первый план. Они, безусловно, оказывали определённое воздействие на настроение людей, но сами по себе не могли поколебать стабильность государственной жизни и тем более разрушить государство. В истории СССР были и более сложные периоды, но он вполне успешно с ними справлялся.

Для кризиса советской идентичности, погубившей СССР, характерны разные причины: какие-то вызревали задолго до исчезновения страны, другие были порождены перестроечным процессом.

Одной из безусловных причин стала потеря уважения советских граждан к политическим руководителям, что не могло не отразиться и на отношении к стране. Этот процесс начался как следствие оттепели и чудачеств лидера СССР 1950-х гг. Н.С. Хрущёва. Но особенно заметным он стал с конца 1970-х гг., по мере катастрофического старения политического руководства государства и нарастания физической немощи Генерального секретаря Л.И. Брежнева. Над советскими лидерами откровенно смеялись, но если многочисленные анекдоты о Н.С. Хрущёве имели в целом беззлобный характер и на отношении к стране, как правило, не отражались, то неприятие Л.И. Брежнева было уже по-настоящему злым, что невольно сказывалось и на имидже СССР. Хорошо известно, что уважение к лидеру государства во многом определяет и уважение к самой стране.

Политические последствия критического отношения к руководству в 1950-е и 80-е гг. были для Советского Союза далеко не однозначными. В хрущёвскую эпоху государство имело поводы для гордости: первый советский спутник, целинная эпопея, полёт человека в космос, масштабное жилищное строительство, привлекательная цель развития страны («нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»), авантюризм которой была тогда очевидна далеко не каждому. На таком фоне даже самые сомнительные начинания власти не теряли для многих своей привлекательности. Народ добродушно посмеивался над очередной безумной инициативой, но страной гордился.

Ничего этого не было в 1980-е гг. «Когда я обращаюсь мыслью к той поре (рубеж 70-х и 80-х), — пишет на страницах Литературной газеты Татьяна Воеводина, — даже погода вспоминается серая. В магазинах — ничего особо интересного, на работе — переливание из пустого в порожнее,

малейшая инициатива пресекается, всё интересное запрещается, даже такая безобидная чепуха, как йога или астрология» [3].

Табуировались любые попытки обсудить в средствах массовой информации волнующие людей проблемы. Под запрет попадали даже материалы, в которых ничего опасного для власти не было, но которые могли породить нежелательные ассоциации. По этой причине, например, не вышел в эфир Приморского радио репортаж из очереди желающих безвозмездно сдать кровь в День донора: запрет обусловили именно тем, что это была очередь. Застойный характер политической жизни конца 1970-х гг. не мог не отразиться на содержании анекдотов. Пожалуй, впервые в советской истории в антологии этого вида народного творчества среди повествований о советских политических лидерах стали преобладать не те, в которых люди пытались смотреть на руководителей страны с юмором, а те, где содержалась общественная оценка действующей власти. Всего лишь один пример:

Ленин, Сталин и Брежнев едут в поезде. Неожиданно поезд останавливается — впереди путь разобран. Как реагируют на непредвиденную остановку три руководителя?

Ленин: Поменять рельсы и шпалы и продолжать движение.

Сталин: Начальника дороги расстрелять!

Брежнев: Занавески на окнах задёрнуть, вагон раскачивать, чтобы ощущалось движение.

Имитация движения и стала символическим ключом к пониманию сути позднесоветской жизни для миллионов советских людей.

Нарастание критического отношения к политическому руководству на рубеже 1970—1980-х гг. во многом было связано с социально-демографическими изменениями в стране. Вырос образовательный уровень граждан: в 1979 г. на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше приходилось 638 чел. с высшим и средним (полным и неполным) образованием — почти в 2 раза больше, чем в 1959 г. [13, с. 23]. Две трети населения СССР жили к этому времени в городах, а почти треть работающих занималась преимущественно умственным трудом. При этом 57% населения страны в 1987 г. составляли молодые люди в возрасте до 35 лет [10, с. 311]. Это были «сытые», лишённые страха поколения, не только не пережившие в своей сознательной жизни различных трудностей, но даже не верившие, что таковые могут существовать. За объективными характеристиками советского общества 1970-х гг. скрывалась главная опасность — быстрое ослабление мировоззренческой основы советского строя.

Сочетание молодости и образованности сформировало внушительный слой критически мыслящего и политически активного общества, для которого стареющее, непривлекательное в своей необразованности руководство превращалось из объекта насмешек в нечто более опасное для развития страны. Критическое отношение к высшему руководству

постепенно распространялось на весь управленческий слой. По мере того как снижался интеллектуальный уровень руководителей, падал и авторитет власти, антиноменклатурные настроения росли даже внутри правящего класса.

На фоне изменившихся характеристик советского общества анахронизмом воспринималась классовая политика КПСС. В официальных документах СССР перестали называть государством рабочих и крестьян, однако свою легитимность советская власть по-прежнему связывала с рабочим классом. Что же касается интеллигенции, то официальное отношение к ней изменилось мало. По-прежнему считалось, что она не имеет глубоких классовых корней, твёрдых идейных убеждений, обладает мелкобуржуазной психологией. Верхушка творческой и научно-технической интеллигенции, конечно, под такие оценки не попадала, достижения её отдельных представителей активно пропагандировались и щедро вознаграждались, тем не менее негативного отношения к этому социальному слою общества государство не скрывало. Наиболее отчётливо это проявлялось в кадровой политике. Приём интеллигенции в КПСС лимитировался квотами, в то же время беспартийность препятствовала привлечению представителей интеллигенции в государственный аппарат. Молодые специалисты, у которых профессиональная карьера только начиналась, были недовольны крайне низкой заработной платой, отсутствием возможностей для профессионального роста. В результате к началу 1980-х гг. в стране выросло весьма многочисленное поколение не только «старших помощников младшего конюха», но и сторожей с высшим образованием. Интеллигент-сторож, интеллигент-кочегар — наиболее узнаваемый типаж городской жизни 1980-х. Именно этот слой советского общества, имевший убеждения, но не имевший настоящей профессии, и выступит главным застрельщиком перемен в годы перестройки.

Сложившаяся система взаимоотношений не давала интеллигенции никаких перспектив для реализации личности, порождала глубокую неудовлетворённость своим положением в обществе. Именно из этой среды пополнялось вначале очень немногочисленное, характерное лишь для столичных городов, диссидентское движение. И далеко не случайно одним из самых первых требований советской интеллигенции в годы перестройки стала отмена квотного представительства в КПСС.

Конфликт интеллигенции с властью, вообще характерный для российской истории, накануне перестройки имел ту особенность, что на стороне интеллигенции, пожалуй, впервые, оказались и другие слои населения. В 1930—1950-е гг. негативное отношение власти к интеллигенции находило определённую поддержку в народном сознании: представитель последней ассоциировался с человеком малополезным для общества, не умеющим работать руками, а следовательно, не способным к общественно-полезному труду. К концу 1970-х гг. ситуация в корне изменилась. Если в прошлом формирование этого класса носило преимущественно характер семейной традиции и по этой причине отличалось определённой

клановостью, то теперь представители интеллигенции были почти в каждой советской семье. Соответственно изменилось и народное отношение к человеку в очках и шляпе.

Рост численности «образованщины» у других народов СССР помимо общих проблем взаимоотношений с властью осложнялся конфликтами на почве конкуренции с представителями центра, преимущественно русскими, направлявшимися в республики на различные руководящие должности. Долгое время там вынуждены были мириться с такой практикой, однако с началом перестройки подобные конфликты стали принимать форму массовых протестов. Характерны в этом отношении декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате. Непосредственным поводом стало избрание первым секретарём ЦК Коммунистической партии Казахской ССР вместо отправленного на пенсию Д. Кунаева первого секретаря Ульяновского обкома партии Г. Колбина. Участники беспорядков требовали назначить на должность представителя местной элиты. Подобные события имели место и в других городах Казахстана.

На ослаблении советской идентичности не мог не сказываться и социально-возрастной конфликт, характерный для советского, особенно российского, общества на рубеже 1970—1980-х гг. Острый характер он принял даже в номенклатурной среде. В сталинский период социально-возрастная гармония внутри государственно-бюрократической системы во многом достигалась за счёт политических репрессий. Старшее поколение периодически отстранялось от власти, на его место приходила молодёжь. После Сталина подобная регуляция социально-возрастного конфликта стала невозможной, а никакой другой создано не было. Высшие командные посты в обществе десятилетиями занимали представители старшего поколения, что не могло не создавать поля напряжения между ними и их более молодыми коллегами. В открытой форме эта конфликтность стала проявляться в годы перестройки, что дало основания характеризовать её как «бунт вторых секретарей и полковников, которым не суждено было стать первыми или генералами» [2, с. 63].

Важной особенностью социально-возрастного противостояния в других слоях советского общества было то, что оно имело форму культурного конфликта. Молодёжь, впитывая с образованием западные ценности, отрицала культуру старшего поколения. Молодёжная субкультура с характерными поведенческими стереотипами и ценностями постепенно стала навязывать их всему обществу. С началом перестройки неформальные группы (хиппи, панки, рокеры и др.), долгое время существовавшие полуполюгально, были признаны официально, получили доступ к средствам массовой информации. Возникают политически окрашенные молодёжные организации («Память» и др.). Как ответная реакция набирает силу движение «красных бригад» с ярко выраженным культом агрессии. Сложные социально-политические процессы 1985—1990-х гг. (разрушение советской политической системы, складывание политического плюрализма, постепенный переход к рынку) изменяли социально-культурный облик

молодёжи. Отказ от идеологических ценностей старших поколений, сомнения в правильности концепции социализма, не подтверждённой практикой, усилили распад ценностных представлений [8].

Важнейшим проявлением идентификационного кризиса в СССР явился мировоззренческий раскол общества, который поразил даже советское руководство. Уже Андропов признавал, что представления власти об обществе не совсем адекватно отражали действительность. У М.С. Горбачёва и его команды восприятие советского строя как «неправильного» стало убеждением и официальной установкой, было положено в основу перестройки, которая, как вскоре выяснится, изначально ставила своей целью радикальное изменение общественного строя. Пройдёт всего несколько лет, и мы увидим среди активных его низвергателей самых заслуженных советских «генералов» от идеологии — политических обозревателей А. Бовина, В. Цветова, О. Лациса и др.

Для консолидации советского общества и сохранения политической системы требовалась новая мировоззренческая база. Идеологическим институтам государства, казалось бы, следовало учитывать изменившиеся условия жизни страны, помолодевшее и поумневшее население. Всем уже было очевидно, что время, когда самым неотразимым аргументом являлась ссылка на то, что «так в газете писали», безвозвратно ушло в прошлое. Понять этого ни старое, ни новое поколения номенклатуры не смогли. Дела всё чаще заменялись словами, за которыми не угадывалось смысла. Чего стоит, например, особенно популярный в те годы призыв: «Экономика должна быть экономной»? Число идеологических структур, как и их штаты, увеличивалось, а кризис идеологии нарастал.

Хорошо зная этот срез советской жизни в конце 1970-х гг., можем утверждать, что власть и её идеологические институты уже не старались убедить людей в правоте коммунистической идеи. Ставилась совсем другая задача — вдолбить в головы советских граждан определённые формулы, в соответствии с которыми они и должны были думать и говорить. Вспоминается конфликт с одним из авторитетных членов лекторской группы Приморского крайкома КПСС. В своих политических беседах на радио он много раз, по делу и без дела, упоминал Л.И. Брежнева, при этом всегда старательно перечислял все его официальные должности. На это порой уходила масса эфирного времени. Вносить редакционные изменения в материалы лектора крайкома категорически запрещалось, а все попытки убедить его отказаться от такого перечисления успеха не имели. Конец словоблудию положил только инструктор ЦК КПСС, на глаза которому попали авторские передачи данного идеолога.

СССР был изначально создан как идеологическая конструкция, всегда следовал избранной идеологии, активно распространял её по всему миру и оказался неспособным не только отказаться от этой идеологии, но даже внести в неё небольшие коррективы. Между тем общество жадно прислушивалось к передачам «Голоса Америки», «Свободы» и др. Советская идеологическая пропаганда воспринималась со всё возрастающим

скепсисом даже теми слоями общества, у которых до этого вообще никаких сомнений по её поводу не возникало. Деидеологизация советского общества, активно протекавшая все 1970-е гг., в конечном счёте и привела к разоружению советского человека, сделала его восприимчивым к антисоветской пропаганде прорабов перестройки, подготовила сравнительную лёгкость восприятия населением новых идеологических постулатов.

Процесс целенаправленного разрушения советского народа и советской идентичности в годы перестройки описан в монографиях С.Г. Кара-Мурзы [5; 6]. «На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа, — пишет автор, — была направлена большая кампания, названная „перестройкой“. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно, с применением сильных и даже преступных технологий... В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована „центральная матрица“ мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. В результате масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 г. советский народ был в большой степени „рассыпан“ — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей» [5, с. 240].

Сильнодействующим средством разрушения советской идентичности оказалась политика гласности, ставшая идеологической кампанией перестройки. Ослабление цензуры, возможность проявления инакомыслия вынесли на поверхность общественного интереса многочисленные темы советской истории, которые до этого либо вообще не освещались, либо интерпретировались в выгодном для власти свете. Многие из них стали предметом общественных дебатов. Это оказалось весьма привлекательным делом. Пожалуй, впервые в советской действительности люди получили возможность открыто обсуждать такую лакомую тему, как недостатки социализма. То, о чём раньше говорили на кухне, теперь стали обсуждать на партийных собраниях. Из репродукторов неслись песни о свежем ветре, которого так давно хотелось. Тиражи газет рванули к космическим высотам. В журналах печатали ранее запрещённые произведения («Котлован», «Дети Арбата», «Собачье сердце»), на экраны вышли фильмы, пролежавшие на полке не один десяток лет, были извлечены из запасников и выставлены ранее не экспонировавшиеся произведения художников-авангардистов. В лучах славы купались юмористы и сатирики, ставшие вдруг реальными политиками.

Общим любимцем, символом грядущих перемен стал генсек Горбачёв. «После своих предшественников, похожих на мумии, ожившие по важной государственной надобности, он выглядел почти юношей, говорил быстро, без бумажки... улыбался и всюду таскал за собой жену. Опытные люди... вслушиваясь в жизнерадостный клёкот нового лидера, качали головами, не понимая, о чём, собственно, он толкует и куда ведёт» [11].

Направление движения очень скоро начало проясняться. Освещение т.н. белых пятен истории ушло на второй план, в центре политики гласности оказались антисоветские и антигосударственные мотивы. На первом этапе подрыв советской государственности шёл под лозунгом «Больше социализма!». На практике это свелось к идеологической кампании против государства как формы организации общества. Ставилась задача посеять сомнение в правильности существующего строя; лояльность граждан государству стала трактоваться как приверженность консерватизму.

Атака на советскую идентичность велась по многим направлениям: в широкий оборот было запущено презрительное наименование советского человека — «совок», активно пропагандировалось критическое отношение к понятию «советский народ». Обществоведы, ещё вчера прославлявшие новую историческую общность, вдруг прониклись убеждением, что советский народ не является нацией, что понятия «советская нация» не существует. Стране отказывали в праве иметь политическую нацию; утверждалось, что СССР является лишь конгломератом этносов, насильно удерживаемых в советской империи; намеренно разрушалась система межэтнических отношений в СССР и Российской Федерации.

Особым нападкам подвергалось ядро советской гражданской нации — русский народ. Одним из главных видов оружия в этой кампании стала идея исторической вины русских. Перечень их провинностей был чрезвычайно обширен: следовало покаяться за империю, за то, что жили в СССР и были ему лояльны, за то, что воевали с его врагами, за сталинские репрессии, за принятие христианства от Византии. В вину русскому народу ставилось даже то, что он дважды осмелился ответить Отечественной войной на нашествие с Запада. Для оценки последствий разрушения исторической памяти русского народа в годы перестройки очень точные слова нашёл И.К. Лавровский: «В результате... в истории страны не осталось ни одного живого места. История России превратилась в сплошную зону экологического загрязнения, куда всяк сливает свои токсичные помои» [7, с. 131].

Русофобство рассматривалось либеральной интеллигенцией как высшая доблесть. Патриотические чувства приравнивались к мракобесию. В газетах и журналах стало модным признаваться в нелюбви к русскому народу. Вспомним некоторые из таких признаний.

Николай Петров, Заслуженный артист РСФСР: «В начале артистической карьеры мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, была куда важнее пресловутых берёзок и осточертевшей трескотни о „советском“ патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев»².

² Независимая газета. 13.07.1993.

Андрей Новиков: «В отношении народа, среди которого я родился, вырос, живу, я испытываю подсознательную, неподвластную мне ненависть. Не нравится мне русский народ. Не нравится само понятие „народ“, в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах „народ“ — конкретные люди, личности. У нас — какое-то безликое однообразное существо. Да есть ли он вообще, этот самый „русский народ“?»³.

Ненависть к русскому советскому народу породила процесс конструирования новой общности — новых русских. Народное толкование этого понятия, как всегда очень точное, сложилось уже в 1990-е гг. А в годы перестройки оно использовалось как реальная альтернатива советскому народу. Именно новые русские были объявлены нацией. Главный редактор газеты «Утро России» (орган партии Демократический союз В. Новодворской) В. Кушнир писал в феврале 1991 г.: «Война объявлена (советскому народу. — *В.Т.*)... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации» [Цит. по: 5, с. 236].

Сильнодействующим средством разрушения советской идентичности в годы перестройки была война против символов, служивших опорой национального самосознания советского человека. Глумлению подвергались сакральные объекты (Красная площадь — престижное кладбище страны). Объектом интенсивной кампании стало искажение смысла праздников, вошедших в календарь советского народа (День международной солидарности трудящихся 1 мая стал Днём весны и труда). Одной из излюбленных тем дискредитации являлась Великая Отечественная война. Красноармейцы обвинялись в жестоком отношении к немцам. При сравнении советских и немецких лётчиков безусловное предпочтение отдавалось мастерству фашистских ассов. Под сомнение ставился подвиг Александра Матросова, 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Преувеличивались военные потери Красной армии. Звучали совершенно дикие цифры числа погибших. Специальная комиссия, созданная в этой связи, к тому времени уже закончила свою работу, точные данные о потерях среди военнослужащих были доложены ЦК КПСС. Власть могла мгновенно остановить поток фальсификаций. Ничего подобного не предприняли. Больше того, в кампанию по разрушению образа войны втянули советскую школу.

Серьёзную травму народному сознанию нанесли обрушившиеся в эти годы на СССР природные и техногенные бедствия — авария на Чернобыльской АЭС, землетрясение в Армении, гибель пассажирского парохода «Адмирал Нахимов», железнодорожная катастрофа в Челябинской области и др. Невольно появлялось убеждение, что существующая власть — откровенный неудачник, находящийся не в состоянии защитить страну от всевозможных напастей.

³ Век XX и мир. 1991, № 7.

Массированная антисоветская пропаганда не могла не принести результатов. Когда-то моя бабушка, защищая внуков и внучек от излишней, на её взгляд, назидательности родителей, говорила: «Скажи человеку сто раз свинья, и он захрюкает». Гласность без нравственных тормозов заставила «хрюкать» миллионы людей. К концу перестройки многие газетные публикации уже вызывали культурный шок. Социолог-эмигрант В.Э. Шляпентох в 1991 г. так оценивал действенность антисоветской кампании в рамках гласности: «Гласность не имеет прецедентов в мировой истории. Нет такого примера, когда бы общество (в столь короткий срок. — В.Т.) коренным образом изменило представление о себе...» [Цит. по: 5, с. 285].

В условиях «переосмысления» прошлого было подорвано главное — смысл жизни и самоуважение советского человека. Советская идентичность, уже ослабленная застойными явлениями 1970-х гг., не выдержала испытаний при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями. Душевный разлад, порождённый перестройкой, будет преследовать граждан многие годы спустя. В начале 1990-х гг. от 77% до 92% опрошенных в разных возрастных группах относили себя к категории «людей без будущего» [1, с. 35].

Содержательная сторона кризиса советской идентичности, ставшего могильщиком СССР, как видим, весьма разнообразна: вырождение связующей идеологии, безверие элит, ослабление социализации, утрата веры в историческую миссию государства, разочарование в идеалах, которые до этого не подвергались сомнению, падение доверия к существующей власти, несоответствие политики государства изменившимся условиям жизни граждан. Падение доверия к коммунистической системе привело к разрушению идеала, лежавшего в основе государственности, подтолкнуло многих граждан, независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности, к поискам новых мировоззренческих ориентиров [4]. В таких условиях сохранить СССР как идеологическую конструкцию, как государство, базирующееся на коммунистических ценностях, было уже невозможно.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31—41.
2. Бочаров В.В. Интеллигенция и насилие: социально-антропологический аспект // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. С. 39—87.
3. Воеводина Т. Чего «совкам» в «совке» не хватало? // Литературная газета. 2015. № 33.
4. Гаджиев К.С. О кризисе национальной идентичности // mir-politika.ru: международный политический журнал «Мир политика». URL: <http://mir-politika.ru/3499-o-krizise-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 08.10.2015).
5. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.

6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 2. М.: Алгоритм, 2001. 688 с.
7. Лавровский И.К. Странострой // Главная тема. 2005. № 4. С. 120—137.
8. Мальцева В. Неформальные движения молодежи времён перестройки // 22-91.ru: информационно-исторический портал «Ваш 1922—92 год рождения». URL: <http://22-91.ru/statya/neformalnye-dvizhenija-molodezhi-vremen-perestrojki> (дата обращения: 23.09.2015).
9. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник. М.: Госкомстат, 1991. 592 с.
10. Население мира: демографический справочник. М.: Мысль, 1989. 477 с.
11. Поляков Ю. Как я был врагом перестройки // Литературная газета. 2015. № 39.
12. Савельева А. Бесплатное жильё в России — миф или реальность // vlegale.ru: информационный портал. URL: <http://vlegale.ru/articles/besplatnoe-zhilyo-v-rossii-mif-ili-realnost-3807> (дата обращения: 08.09.2015).
13. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1985. 366 с.

REFERENCES

1. Belyaeva L.A. Social'nyj portret vozrastnyh kogort v postsovetsoj Rossii [Social picture of age groups in post-Soviet Russia]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2004, no. 10, pp. 31—41. (In Russ.)
2. Bocharov V.V. Intelligentsiya i nasilie: sotsialno-antropologičeskij aspekt [Intelligentsia and violence: social and anthropological aspect]. *Antropologija nasiliya*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 39—87.
3. Voyevodina T. Chego «sovkam» v «sovke» ne hvatalo? [What did the *sovoks* miss in the *sovok*?]. *Literaturnaya Gazeta*, 2015, no. 33. (In Russ.)
4. Gadzhiev K.S. O krizise nacional'noj identičnosti [On the national identity crisis]. Available at: <http://mir-politika.ru/3499-o-krizise-nacionalnoy-identičnosti.html> (accessed: 08.10.2015). (In Russ.)
5. Kara-Murza S.G. *Demontazh naroda* [People's takedown]. Moscow, Algoritm Publ., 2007, 704 p. (In Russ.)
6. Kara-Murza S.G. *Sovetskaja civilizacija T. 2* [Soviet civilization. Vol. 2.]. Moscow, Algoritm Publ., 2001, 688 p. (In Russ.)
7. Lavrovskij I.K. Stranostroj [Stranostroy (Country Building)]. *Glavnaya tema*, 2005, no. 4, pp. 120—137. (In Russ.)
8. Maltseva V. *Neformal'nye dvizhenija molodezhi vremen perestrojki* [Informal youth movements during perestroika]. Available at: <http://22-91.ru/statya/neformalnye-dvizhenija-molodezhi-vremen-perestrojki> (accessed: 23.09.2015). (In Russ.)
9. *Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1990 g. Statističeskij ezhegodnik* [People's economy of RSFSR in 1990. Statistical yearbook]. Moscow, 1991, 592 p. (In Russ.)
10. *Naselenie mira: demografičeskij spravocnik* [World population: demographical handbook]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 477 p. (In Russ.)
11. Polyakov Yu. Kak ja byl vragom perestrojki [How I was an enemy of perestroika]. *Literaturnaja gazeta*, 2015, no. 39. (In Russ.)
12. Savelyeva A. *Besplatnoe zhil'e v Rossii — mif ili real'nost'* [Free housing in Russia: myth or reality?]. Available at: <http://vlegale.ru/articles/besplatnoe-zhilyo-v-rossii-mif-ili-realnost-3807> (accessed: 08.09.2015). (In Russ.)
13. *Čislennost' i sostav naselenija SSSR. Po dannym Vsesojuznoj perepisi nasele-nija 1979 g. Statističeskij sbornik* [Population size and composition in USSR. According to the data of all-Union census of 1979. Statistical handbook]. Moscow, Finance and statistics Publ., 1985, 366 p. (In Russ.)